

Александръ
Дунаенко

Спасибо, папа!..

Семейные хроники

Александр Дунаенко

Спасибо, папа! Семейные хроники

«Издательские решения»

Дунаенко А.

Спасибо, папа! Семейные хроники / А. Дунаенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747134-7

Эта книга — нежное признание в любви нашим папам и мамам. И щемит сердце, и улыбаешься, и даже смеёшься, и выступают слёзы на глазах — всё это происходит, когда читаешь эту, поистине талантливо и от души написанную книгу. И каждого погружает она в собственные воспоминания, и, прежде всего, оттого, что ничего собственного, частного у нашего поколения и поколения наших родителей не было, а была общая «колхозная» жизнь, которую мы узнаём тут даже в деталях. Ольга Огородник-Антипова

ISBN 978-5-44-747134-7

© Дунаенко А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Как я родился	7
Уральские яблоки	9
Украина	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Спасибо, папа!

Семейные хроники

Александр Дунаенко

Дизайнер обложки Дунаенко Александр

© Александр Дунаенко, 2019

© Дунаенко Александр, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-7134-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Новую книгу замечательного автора Александра Дунаенко нельзя назвать завершающей, скорее – обобщающей. Дочла последние строки книги и надолго задумалась – так что обобщающей?.. Кого?.. В том числе, и меня, и вас. Наше поколение и поколение наших родителей. Нашу страну, если хотите. Страну, которой уже нет, но была... Точно была! Огромную страну нашего детства: от Курил до Днепра, от бабушек наших и дедушек до сегодняшних нас.

Эта книга – нежное признание в любви нашим папам и мамам. И не важно, кто из нас кем вырос, в какой семье родился, в какой географической точке «великой империи» появился на свет. Читая эту книгу, мы узнаём и свои семьи, своих родителей, себя и страну, которой уже нет на карте, страну нашего детства – союз советских социалистических республик. Как пелось когда-то в известной песне: «Я, ты, он, она, вместе – целая страна!..»

И щемит сердце, и улыбаешься и даже смеёшься, и выступают слёзы на глазах – всё это происходит, когда читаешь эту, поистине, талантливо и от души написанную книгу. И каждого погружает она в собственные воспоминания и, прежде всего, оттого, что ничего собственного, частного у нашего поколения и поколения наших родителей не было, а была общая «колхозная» жизнь, которую мы узнаём тут даже в деталях. Собственно, эти «детали» и делают книгу особенно узнаваемой и, если хотите – родной, нашей, своей.

Читайте её и обрящете. Найдёте любовь в ней и нежность. И загрузите по детству. И вспомните родителей и время, когда деревья ещё были большими.

Ольга Огородник-Антипова.

Как я родился

27 марта 1951 года я сказал маме, что буду родиться. У нас с мамой на эту тему уже проходили совместные обсуждения, так что ничего нового она от меня не узнала и, в принципе, была готова мне помогать.

Собрала вещички в узелок, пошла в контору, где ей выделили лучший по тем временам транспорт – тарантас. Ехать нужно было в город, а до него из нашего посёлка Растсовхоз двенадцать километров.

За кучера на тарантасе был Артур Циммер, пожилой молчаливый немец. За всю дорогу Артур не сказал ни слова. Только, когда подъехали к Илеку, и встал вопрос о том – переезжать на другой берег, или нет.

Дело в том, что весной маленькая речка Илек превращается в широкую полноводную реку. Мутная талая вода в считанные часы поднимается на несколько метров, смывая на пути все насыпи и самодельные мостики, которые люди нагородили для себя, чтобы летом через этот Илек переезжать.

Между посёлком Кирпичный и городом Актюбинском и делали каждый год такую насыпь. Из щебня, камней, протяжённостью около полукилометра. В насыпи были неширокие проходы, русла для протекания речки. И сверху – деревянный настил, по которому в одну сторону могла проехать только одна машина или лошадь с повозкой.

Наступала весна, уровень воды в речке поднимался, вода шла через верх и смывала, уносила в Каспий все доски и брёвна, разрушала насыпь. Потом, после половодья, машины привозили новый камень, брёвна. Приходили бульдозеры. Промоины засыпались. Мостики восстанавливались.

Мама с Артуром подъехала к насыпи-мосту как раз в момент, когда весенняя вода уже пошла через дорогу. Насыпи уже не было видно. О ней можно было только догадываться по линии водопада, которая протянулась от одного берега широкой реки до другого. Обыкновенная такая картина, как на Ниагаре: спокойное течение мутной коричневой воды с обломками мусора, веток и льда на поверхности до определённой линии и – полоса мутной клокочущей пены, поток, срывающийся с насыпи.

Лошадь остановилась. Дорога уходила в воду. По обе стороны реки собралась толпа людей, машин, повозок.

Артур молчал. Мама тоже.

А я толкнул маму и сказал: – Надо бы ехать...

И мама тогда тоже сказала Артуру: – Поехали, может, получится.

Артур согласился. Ответил: – Да...

Тронул поводья, и лошадь ступила в воду.

Он не подгонял лошадь и ею не правил. Просто – сидел, спокойно глядя перед собой на живое течение. Просто – сидел.

Где была насыпь, где – настилы этих нескольких деревянных мостов?

Мутный поток и – шум воды, обрывающейся с насыпи вниз.

А воды было уже много.

Мама рассказывала – временами ей казалось, что вода подбирается под самые сиденья тарантаса.

И ещё она рассказывала, что не боялась. Совсем не боялась.

Лошадь ни разу не ошиблась, не оступилась. И через вечность на сухую землю ступили её копыта, а за ними выехал и сам тарантас с пассажирами.

Артур довёз нас до самого родильного дома. И всё завершилось благополучно.

Я родился в час ночи.

Спустя несколько дней мама возвращалась, уже со мной на руках, обратно в наш Растсовхоз. Через речку нужно было переправляться на лодке. Ну, лодки – они специально приспособлены к тому, чтобы плавать, перевозить людей.

Поэтому особых проблем с переправой уже не возникло. Хотя Илек уже привычно, повесенному, разлился, воображая себя Волгой или Амуром-батюшкой.

Возле Растсовхоза рос яблоневый сад. Через него проходила уютная тенистая кленовая аллея. Мама несла меня на руках по этой аллее. Было тепло, солнечно. Пели всякие птицы. В воздухе чувствовался аромат цветущей где-то вербы.

И собирались зацвести яблони.

Уральские яблоки

Пионерский лагерь под Уральском. Мне тринадцать лет. По бесплатной путёвке от железной дороги родители отправили меня на отдых среди пионеров. Да и сам я – самый настоящий советский пионер.

Мой город Актюбинск – это степь да степь кругом. А Уральск – это зелень. Это река Урал с притоками.

Я впервые увидел яблонево-ые сады. Настоящие, с яблоками. И мы, юные пионеры, через стоячую речку Чаган плавали их воровать.

Сады охранялись. Говорили, что сад, который сразу за рекой, принадлежал Дому инвалидов. Инвалиды свой сад охраняли. И как-то одного юного пионера поймали и сильно избили. Так рассказывали в лагере.

И представление у нас было об этих инвалидах, как о страшных чудовищах. Которые волосатые, с одной рукой, с одной ногой, возможно, даже и только по одному у них глазу – сидят на противоположном берегу и с толстыми суковатыми палками караулят маленьких пионеров, которые просто хотят покушать яблочка из их, инвалидского сада.

И был у нас однажды совершенно фантастический день.

Сказали нам пионеро-ожатые, что соседний яблочный совхоз приглашает нас помочь в уборке яблок. И нас посадили в автобус и рано утром отвезли в это фруктовое царство.

Это было что-то!

Кругом – куда ни глянь – ряды яблонь, изнывающих от тяжести плодов.

Вот – подумалось: «яблоня» – существительное женского рода. Мужского не бывает. Видимо, у них, у яблонь, мужчин не бывает, и живут они совсем без них. Плоды бывают, а мужчин – нет.

И сразу множество проблем у них в жизни с повестки дня снимаются.

Ни тебе вонючих носков, ни – ожиданий в ночи, ни разочарований, ни слёз.

Пришло лето – налились плоды-яблочки, отпали – и до следующего сезона...

Яблоки мы собирали в корзины, вёдра.

Запомнилось: под одной яблонькой они насыпались в три слоя, и мы вынесли оттуда восемь корзин первосортнейших яблок!

Да – и что это были за яблоки! Красивые, совершенные один-в-один. Никаких червоточин! И мы, конечно, сразу принялись их есть. И поначалу вкусными казались все подряд. Потом – через один. К середине дня яблоки внутрь организма уже не пролазили. Но опять находился какой-нибудь экземпляр, который поражал и видом своим и ароматом. И, после некоторого диалога с самим собой, яблочко это всё-таки надкусывалось...

Корзины с яблоками мы относили к садовому домику. И там этих яблок собирались горы. И эти горы потом раскладывали в ящички и увозили на грузовиках.

Никогда не забыть мне этого фантастического пейзажа: яблоневый сад, горы яблок...

В Актюбинске я видел небольшие кучки яблок только на базаре. Их привозили из Средней Азии спекулянты.

Если бы спекулянты из Средней Азии не привозили в Актюбинск фруктов, то их, даже в маленьких кучках, у нас бы никто и не видел.

Я вот сейчас, оглядываясь туда, в свой пионерский лагерь 60-х годов, думаю: ведь вокруг лагеря нашего пионерского было полно этих яблочных садов. И – неужели нельзя было в пионерский наш рацион на каждый день включать, сколько хочешь, сколько съешь, этих яблок?..

Почти с первого дня пребывания в лагере, мы переплывали Чаган, туда, где был инвалидский сад со страшными и злыми сторожами. Торопливо срывали полузелёные плоды и кидались обратно в воду. Скорей, обратно.

У яблок, кроме их вкусовых свойств, есть ещё одно замечательное свойство: они легче воды.

Поэтому, набрав яблок целую сетку, можно было спокойно плыть с ними в воде, чуть подталкивая и направляя...

О! Уральские яблоки!

С ними я провёл весь сезон.

Как и другие юные пионеры, я делал для яблок специальный «тайник». Где-нибудь в густых кустарниковых зарослях, в траве. А потом бегал туда с книжкой Конан Дойля, где и проводил долгие счастливые часы в компании Шерлока Холмса и доктора Ватсона.

После месяца яблочной диеты я, наконец, попал домой.

Спрыгнул с поезда на полминутной остановке на станции Дженешке – и бегом! Это уже было почти рядом. Сорок минут крупной рысью. Дом! Родители! Соскучился!

А впереди меня ожидал главный праздник: помидоры! Мама приготовила целую тарелку салата из помидоров, картошку. На картошку я даже и не посмотрел. Салата съел одну тарелку, вторую...

Никогда не думал, что обычные помидоры могут оказаться вкуснее яблок...

От пионерской жизни в лагере у меня почти не осталось никаких воспоминаний.

Только один эпизод.

На второй день я не нашёл своих новеньких сандалий.

Увидел их только пару дней спустя на рослом мальчишке. Они ему, видно, подошли. Я пробовал объяснить, что произошла ошибка и сандалии, которые теперь носит этот мальчик – это мои сандалии. А он ещё был и не один. У него в лагере уже была своя компания. И другой мальчик из этой компании объяснил мне, что эти новые сандалии уже не мои.

Но и не сказать, что мальчишки эти были какие-то уже совсем звери. Мне взамен принесли другие сандалии. Старенькие стоптанные. Но в них можно было ходить.

Вот я тут и хотел бы, совсем не к месту, сказать, почему я не люблю радио «Шансон».

Хотя сейчас они и включают в свой рацион и Окуджаву, и Высоцкого.

«Шансон» почему-то любит иногда блеснуть блатными перлами. Речь не просто о воровской, тюремной тематике. А именно – «блатняк». Где проглядывают наглость, нахрапистость, хвастовство. Гордость от наглости.

Песни из той, «социально близкой» устроителям нашего справедливого общества, среды.

Мне не нравятся песни, где герой – какой-нибудь Сэмэн. Который герой. Потому что вор в законе. Или просто потому что – вор.

У Высоцкого тоже есть песни, будто похожие. Но его герои никогда не гордились наглостью, не гордились тем, что можно кого-то поунижать, поиздеваться над слабым... Просто – сунуть кому-то «перо»...

Одна из школ, которую я заканчивал, находилась рядом с заводом ферросплавов, на ВОХРе. Это так назывался посёлок – ВОХРа. Во время войны строился завод. Его строили пленные немцы и всякие другие заключённые. И рядом, конечно, нужен был этот обязательный посёлок с военной охраной – ВОХРа. Завод построили. Пленных и заключённых – кого развезли по тюрьмам, кого – похоронили. А посёлок, вместе со своим названием, остался.

В нём уже давно не было охранников. Но жила в землянках и длинных бараках всяческая нищета. Которая потом «из этих коридоров» находила дорогу в другую жизнь. Каждый – в свою.

И, конечно, была в этом посёлке школа-восьмилетка. Куда мы, детишки из заречного Растсовхоза, ходили доучиваться после начального образования.

Три километра туда – три – обратно.

А в ВОХРе всякое было население. Кто – работал на том же заводе ферросплавов. А кто – и неизвестно чем, занимался.

Посёлок был многонациональным.

У нас в классе учились и Чжу-мин-чен и Чай-фан-сы.

И был ещё в посёлке местный Сэмэн. Правда, вором в законе, я думаю, он не был. И звали его не Сэмэн, а Терентий. Трудно сказать о его возрасте. Нам, подросткам, он казался уже вполне взрослым мужиком.

Про Терентия и его компанию ходили слухи, что иногда для забавы избивают они «не местных». Тех, кто каким-то образом на ВОХРу заблудился, иди просто решил пересечь, путь сократить. Избить – просто так. Дружки избивали, а Терентий смотрел.

Правда, когда они с компанией ходили насиловать семиклашку Таньку Бедикову, то первым был Терентий. А остальные смотрели.

Родители у Таньки были на работе. Её и сильно-то принуждать не пришлось. Пару раз ударили хорошенько. Кожаным военным ремнём с пряжкой...

Однажды я возвращался домой после занятий. Через ВОХРу.

Компанию Терентия заметил издали. Она у барака грелась на солнышке со своим предводителем.

От компании отделился мальчонка и направился ко мне.

Ничего хорошего встреча с этим мальчонкой не предвещала. – Иди, тебя Терентий зовёт, – сказал мальчонка. И я пошёл вслед за ним.

Конечно, представил варианты беседы. Вернее – вариант. Вряд ли Терентий собирался у меня спросить, какая сейчас на улице погода.

Ноги несли меня к Терентию, и настроение у меня складывалось прескверное.

Бежать я, конечно, мог. Но... Неудобно как-то...

– Эй – всё ещё издали крикнул Терентий своему мальчонке, – не надо!

– Что? – переспросил посланник. – Не надо! – повторил Терентий, – пусть идёт!..

Не люблю я радио «Шансон»...

А в пионерском лагере Уральска было, конечно, было у меня ещё одно сильное впечатление. И совсем не такого безобразного свойства, как с сандалиями. А, скорее, напротив.

Купаться нам всем разрешали в специально сделанной деревянной клетке без крышки, где было воды по пояс, поэтому безопасно. И купались отдельно группами. Отдельно девочки. Отдельно – мальчики.

И там я впервые увидел девочку, у которой была уже настоящая грудь. У подростков скорость созревания разная. И купаться в деревянный загончик забегали ещё будто бы дети, но у некоторых уже явно проглядывались признаки взрослости.

И вот я, проходя мимо очередного купального мероприятия, увидел вдруг такую девочку-девушку. Которая прыгала в воде, играла с подругами, смеялась...

Думаю, смотрел я на неё где-то 1/125 секунды. Потом, как от ожога, отвёл глаза.

И второй раз взглянуть уже не решился.

Да оно уже и не нужно было особенно. И так врезалось, отпечаталось.

До сих пор помню.

В 3D...

Да, и ещё одно сильное впечатление от моего уральского пионерского лагеря.

Были ещё в лагере вечера.

Когда все, кто более-менее подрос, собирались на танцевальную площадку. И кудрявый цыган играл на баяне для танцев музыку.

Так вот – мне этот цыган запомнился

С песней «София – ты любовь моя!».

Ничего особенного – цыган просто её спел, под свой же аккомпанемент. А у меня прямо земля от счастья поплыла под ногами.

Потом – уже в культпросветучилище я, со вздыбленными волосами, почти так же, слушал в исполнении баянного оркестра «Токкату ре-минор» Баха.

Через год дедушка Коля подарил мне сто рублей, и родители купили баян «Москва». Конечно, песня «София – любовь моя!», была одной из первых, которые я подобрал на слух сразу, как только научился немного управлять пальцами.

Недавно я почему-то вспомнил эту песню.

Ведь я, после того, как в уральском лагере её спел на танцевальном вечере цыган, никогда её не слышал. Никогда и нигде. Только от самого себя.

Да и то – музыку. Слов, кроме одной строчки, я запомнить не мог.

И я пошёл в Гугл. А он мне заладил одно и то же: Ротару и Ротару...

Тогда я обратился к Яндекс.

И тот намекнул: есть, мол, у Магомаева что-то похожее. Называется «Помню Болгарию».

Пошёл к Магомаеву – Есть! Она самая!..

Включил. Слушаю.

И сквозь голос известного всемирно и горячо любимого певца слышу, как тёплым летним вечером при свете лампочки на зелёной танцевальной площадке поёт мой цыган.

От ремней баяна рубашка у него чуть протёрлась на плече.

И одна из девушек, которые стоят совсем рядом, глядя на это плечо, тихо говорит подруге: – Я бы её зашила...

Украина

Украина... Запах мёда, вишнёвого варенья. Варенья абрикосового. Орехи, которые нужно было раскалывать тяжёлым замком. Или – закладывать в расщелину двери и раздавливать там.

Грецкие орехи – они где-то растут на деревьях. Разгрызаешь ядрышко и кажется, что не наешься никогда...

Мы жили в Казахстане.

Вокруг степь. Любой фрукт – экзотика. Из совхозного сада червивые ранетки – изысканное лакомство.

Одного из совхозных мальчишек сторож застрелил из ружья, когда тот пытался пробраться к ранеткам и съесть государственное добро.

В нашей советской стране всё было по-взрослому.

А посылки с орехами и вареньем приходили к нам из Украины. Когда-то там жила моя мама. Потом переписывалась с украинскими родственниками.

Иногда они присылали фанерные ящички, плотно набитые редкостными и вкусными вещами. Мёд... Если бы не посылки из Украины, я бы ещё долго об этом продукте знал только из книжек.

Моя мама тоже любила мёд.

Из-за любви к мёду она стала фельдшером. Когда-то там, в Украине, она увидела объявление, что идёт набор учащихся в медтехникум. Наверное, там будут давать мёд – решила мама. И поступила в техникум даже без всяких раздумий.

Вскоре выяснилось, что мёдом в техникуме и не пахнет. А пахнет формалином, спиртом, всякими лекарствами. Впервые увидев кровь, мама упала в обморок. Но это было ещё и от постоянного недоедания. Но вскоре всё наладилось. Потому что в техникуме было трёхразовое питание. Такое, что несколько кусочков хлеба маленькая Галя могла приносить в выходной день своим братишкам и сестрёнкам.

Спустя годы они и присылали маме пахучие посылки с вареньем, сухофруктами и орехами.

Мама очень тосковала по родине своей – Украине.

И летом они, случалось, выбирались с папой «На Украину». Иногда получалось взять с собой и меня. Летом, да... Нужно было, чтобы и у папы и у мамы совпал отпуск.

Украина была на связи.

Нам держали одно-два вишнёвых деревца. «Ряснушки». Это, когда дерево с ног до головы усыпано вишнями.

Уже бабушка все вишни обобрала, все абрикосы уже были разложены на крыше кухни для просушки (разломленные надвое, без косточек). Но «ряснушки» так и стояли с обвисшими от тяжести крупных ягод ветками.

К нашему приезду они уже были переполнены соком, потемневшие от горячего августовского солнца...

Проснувшись, утром я выбегал в райский сад, где росли эти райские деревья – «ряснушки». Растопырив пальцы, я запускал их в гроздья переспевших ягод и стаскивал их с плодоножек: полная горсть упругих полуразрушенных истекающих кровавым соком, шариков.

Ладонь в каплях сока. Вишнёвого, сладкого... Потом всю горсть вишен сразу, целиком – в рот. И не говорите мне, что они не мытые! Вкусней этих лопающихся во рту сладко-кислых капсул не бывало ничего на свете!

Ева не яблоком кормила Адама. Она дала ему попробовать горсть переспевших вишен!..

Поторопился я, забежал вперёд...

Украина начиналась ещё с поезда. Вот когда переставали встречаться на пути посёлки и большие города с большими промежутками равнин и дремучих зарослей, когда из духовки, из горячих казахстанских степей, поезд втягивался в сплошную зелень лесов и садов, а мимо окон поплыли те же города и посёлки, но без всякого перерыва, переходящие плавно одни в другие – это уже была Украина. Конечно же – «хатки» – уютные маленькие домики, крытые соломой.

Но главное, главное, чего ожидали все мы, к чему ещё задолго, ещё в Актюбинске, готовила нас мама – главное событие, которое нам предстояло пережить – это встреча со знаменитой украинской рекой – с Дніпром!..

Много раз мама рассказывала нам с папой, какое волнение, какое счастье она испытывала всегда, когда, ещё с поезда, неожиданно откуда-то из-за поворота открывался вот этот вид на настоящую Украину: где-то внизу, в окружении сплошной зелени лесов вдруг появлялась эта неописуемой красоты река – Днепр! Дніпро...

Мы ехали на электричке из Днепропетровска по направлению к Днепродзержинску. Сходили на полустанке, откуда пешком добирались до бабушки. Посёлок Карнауховка, улица Партизанская, 10.

Вся дорога – это постепенный спуск от железной дороги к Дніпру, через посёлки-сады, сады и посёлки.

Чудеса и сказки обнаруживали себя на каждом шагу.

Во-первых: Украина пахла фруктами. В августе воздух Украины переполнен запахом фруктов. Сами украинцы, возможно, этого не знали и не замечали за своей родиной такой особенности.

Но в Казахстане не растут на каждом шагу фруктовые деревья. Поэтому он и не пахнет фруктами.

Казахстан пахнет травами, тюльпанами, степным разноцветием. Ароматами, которые воздействуют, прежде всего, на воображение овец, лошадок и поэтов...

Я шёл в сандаликах по глинистому оранжевому «пухляку» нескончаемой сельской улочки и вдыхал этот волнующий, съедобный, запах. На дорогу из-за низеньких заборчиков свисали перегруженные ветви абрикосов. Абрикосы были везде – в траве, в дорожной пыли... Хотелось их поднимать, и сразу в рот.

На наших базарах абрикосы стоили баснословных денег. И вишни. И груши. Всё стоило невероятно дорого на рынках степного нашего Актюбинска. А тут всё под ногами. Даром!..

В (на) Украине с родителями я бывал несколько раз. И всякий раз повторялась одна и та же история: в первые дни я без всякой меры наедался фруктовых сокровищ. Я их ещё раз перечислю: яблоки, груши, вишни, абрикосы, сливы... Были ещё «калировки» – гибриды сливы и абрикосов. Конечно, и виноград. Этот список – тоже Украина. Где ещё и компот из свежих вишен. Который в кастрюле стоял в погребе. Куда можно было спускаться по глиняным ступеням в прохладу и полумрак.

Не сказать, что там было уж очень холодно, потому что компот через какое-то время начинал бродить, превращаясь в напиток с совершенно новыми свойствами...

А я наедался, наедался, наедался абрикосов и груш. И потом... Да, это было неизбежно... Потом у меня расстраивался желудок.

И несколько дней потом уходили у меня на восстановление здоровья...

Потом я ещё не раз приезжал в гости к бабушке, и история повторялась...

Днепр... Дніпро...

Великую реку в Карнауховке, как божество, не называли по имени. Когда шли купаться, то говорили – «пішли до берега».

И, действительно, как можно идти купаться к целой реке, когда пользоваться предполагалось всего одной её капелькой? Которая тут – у берега. И у берега всякое было дно. То – песочек. А то приходилось пробираться по «муляці»...

И вот – ещё одно удивление. То, что у Днепра казалось противоположным берегом, оказалось совсем не берегом, а – островом. А за этим островом – остров ещё. И только где-то там, вдалеке – основное течение. Где мог уже кататься на деревянной яхте Тарас Бульба и выбрасывать за борт восточных красавиц.

И уже не деревянные лодки и корабли, а многотонные баржи, теплоходы проплывали по глубоководному Днепру. «Ракеты» и «Метеоры» на подводных крыльях...

На лодке мы проплывали к островам.

Это сказка, чудо и фантастика! Среди тишины и мелководья – деревья. Венеция без домов. Только вода и деревья. Вода прозрачная, видно песок и водоросли. Мелких рыбок. Аквариум под лодкой. А над головой – густая листва, где задержалось солнце. И ярко-зелёная крыша, которая светилась, пропуская сквозь ветки золотые лучики солнца.

Там же – в просветы листвы можно было увидеть голубое-голубое небо...

На Днепре я научился плавать...

И попал я ещё на Дніпро в более старшем уже возрасте. Наверное, было мне уже за двадцать.

И взял меня с собой покататься на лодке по Дніпру муж маминой фронтовой подруги, Марии, дядя Володя Хлобузов.

И я увидел ещё другой Днепр.

Сплошные заросли высокого камыша среди днепровских островов. И среди них улицы-коридоры, по которым с большой скоростью проносились моторные лодки. Ощущения незабываемые...

А ещё на Украине (в) жили украинцы.

Они разговаривали на языке, на котором у нас в Казахстане мама и песни пела, и читала отрывки из «Кобзаря»: «І незчулась, як зусіли Дніпрові дівчата – Та до неї, ухопили, Та й ну з нею гратись, Радісінкі, що піймали, Грались, лоскотали...». Из учебника физики: «На тіло, занурене в рідину, діє підйомна сила, спрямована вгору...».

И попросила меня бабушка сходить к соседке и попросить «олії». Дала бутылочку. Я пошёл. И другой бабушке, соседке, слово в слово так и повторил: «олії», мол, нам нужно...

Так узнал, что «олія» – это масло. Пахучее, подсолнечное.

А чердак по-украински назывался «горище». Много незабываемых часов я провёл в середине шестидесятых у бабушки на «горище». Случайно среди старых книг я нашёл «избранное» Джека Лондона. Первым рассказом там был «Мексиканец». И – всё. Джек Лондон меня захватил. Томик был мной с жадностью прочитан от одной потрёпанной корки до другой. Там, у бабушки Тани, на «горище».

Совершенно особенными показались у украинцев застолья. Неожиданно вдруг – начинали петь. Один... к нему присоединялся другой... Так же естественно, как разговаривают, украинцы переходили к пению. Тут же, за столом, на несколько голосов. Задумчиво, так, что пощипывало в глазах...

И как это можно так?..

Когда в Актюбинске появилась пластинка с трио Маренич, она была заслушана моими родителями до дыр.

В Казахстане у нас не пели.

В нашем посёлке ссыльных немцев, молдаван, татар петь как-то было не принято. Да и вообще – громко разговаривать.

Немцы на своих улицах первыми вывешивали красные флаги на каждый советский праздник.

Я тогда не знал ещё подробностей нашей истории. В учебниках они, подробности, опускались, и я удивлялся тому, что именно немцы почему-то так уважают советскую власть...

А водка на столе у бабушки Тани называлась «горілка».

Бабушка её делала сама. На летней кухне у неё была печка и классический самогонный аппарат: два чугуна и змеевик. В один чугунок заливалась фруктовая брага, другой был с дыркой. Им первый чугунок накрывался, как крышкой, стыки промазывались тестом. В дырку сверху вставлялся змеевик, соединение тоже промазывалось тестом – и всё. Аппарат был готов к работе!

Папа очень любил эти, почти ежегодные поездки на Украину.

Конечно, потому, что было там всегда во всех отношениях тепло и гостеприимно. И за песни. И – к Дніпру.

Но ещё и потому, что каждый день к обеду, наряду с борщом и картошкой подавалась ещё рюмка фирменной бабушкиной «горилки». С неповторимым, непередаваемым ароматом сивухи и самых разнообразных фруктов.

...Ну, может, две-три рюмки...

Бабушка Таня всю жизнь прожила одна, воспитывая четверых детей. У них с дедушкой была очень сильная любовь. Бабушка Таня была маленькой и дедушка сделал ей небольшую табуреточку, чтобы ей было удобнее всё по дому доставать. И – чтобы было удобнее целовать бабушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.